

Страна победителей голосует за мир!

НА МЕСТАХ ИСТОРИЧЕСКИХ БИТВ

Под Сталинградом

Мне не повезло — на митинг я опоздал. Пока добирался от аэродрома до города и затем до завода «Брянский Октябрь», митинг, устроенный после смены в первом мартовском цехе, был закончен. В красном уголке я застаю секретаря парторганизации тов. Чупрынина. Высокий, смуглый, в расстегнутом кителе, он сидит за столом и составляет сводку о подписях под Стокгольмским Воззванием.

— Эх, жалко, опоздал. Лучший наш сталевак Скрыпников выступал. Начальники смены — Шборер, Рожков — мастер печи. Все ленинградскую блокаду на своих плечах пережил, знает, что значит война. Поэтому и о мире хорошо говорил. Вам бы интересно поговорить с ними — многие у нас тут в рабочих батальонах были, дрались за свой завод в 1942-м. И неплохо дрались, а теперь вот работают — станочники.

В комнату вошел крепкий, круглолицый человек в синей спецовке.

— Да вот, хотя бы он. Ваш однофамилец — Некрасов Василий Иванович. Знакомьтесь. Где ты здесь воевал, Некрасов? — В Волжской флотилии. Старший был.

На правой руке у него хватает четыре пальца, на левой — двух. Двадцать лет проработал Некрасов на заводе. В сорок вранор защищал свой город, побывал

потом в Румынии, Югославии, Чехославии, Австрии. Демобилизовался, вернулся на свой завод.

— И не поверить теперь, что на месте этих корпусов, — он кивнул головой в сторону окна, — сплошная каша была. А вот того корпуса до войны вообще не было. И того тоже. Пережили мы, в общем, сороковой год. Далеко позади остался.

Прощаясь и протягивая мне руку, Некрасов сказал:

— А они говорят, что это мы войны хотим! Строить мы хотим, а не воевать. Впрочем, — он слегка улыбнулся, — если надо, мы сможем показать краснооктябрьский стиль.

Я прощаюсь. Иду во второй мартовский цех. В последний раз я был в нем восемь лет назад — в ноябре или декабре 1942 г. Здесь проходила линия фронта. К этому цеху и к соседним цехам прикованы были взоры всего человечества. Именно здесь враг хотел сломить наше сопротивление. Без перекура 83 дня сжигались бомбы с раннего утра до захода и после захода солнца. На моих глазах рушилась одна за другой труба этого цеха. Осталось только три — их не удалось свалить. Они и сейчас, как ветераны, стоят среди леса новых — законченные, с заданными пропорциями.

И вот через восемь лет я опять здесь.

Вечером сижу за столом у Соколовых — отца и сына, мастера и обермастера. Отцу — 57, сыну — 37. Оба коммунисты. Небольшого роста, но широкие, крепкие, настоящие сталеваки. Отец говорит тихим, спокойным голосом. Как будто в том, что он рассказывает, нет ничего удивительного.

— Пустили мы первые печи. Они горят, а крыш еще нету, и снег сверху так и валит. А тут как раз американец к нам какой-то на завод прибыл. Директор велел мне пех ему показать. Ну, я показываю, а тот только руками разводит. У нас, говорит, в Америке, это невозможно. И только улыбаюсь и дальше повеял его. У нас, брат, что нужно, то и возможно...

Поздно ночью я возвращался домой. Впервые я увидел Сталинград освещенным не пожарами, а электричеством. Трамвай, весело гремя, катил мимо Мамаева кургана. Я смотрел на курган, как на старого знакомого, и вспоминал слова старика Соколова, сказанные им на прощанье у трамвайной остановки:

— Нет, никакими бомбами не загнать народ, который сражается за свое счастье. Не завидую я этим господам, что войну затевают.

В. НЕКРАСОВ,
специальный корреспондент
«Литературной газеты»
СТАЛИНГРАД, 4 июля

На Курской дуге

Что мы знали о Поньрях до минувшей войны? Маленькая станция в сердце России, на магистральной Москве — юг. Поезд стоит три минуты. Курская антоновка на лотках. Гуси, куры, молоко — изобилие плодородного края. Богатейший, весь в садах, уголок Центральной железной дороги.

Окопаны и воронки изуродовала война этот мирный район России. Не стала садов и деревьев. Обуглилась земля. Здесь каждый житель лично, на своем горе, познал войну. Поньря стали узловым пунктом решающих сражений на Курской дуге, где фашистские армии постигла грандиозная катастрофа.

Слово — мир — в устах каждого приобретает здесь особую силу. Это вырастают, завоеванное слово. Шобер Николай Скородня, бывший старший сержант и освободитель Вены, проезжая с нами по старым знакомым дорогам войны, с гордостью победителя и строителя поясняет: — А это Витог, — ни одной хаты не было. Все уничтожено. Вот школа, чудом сохранилась на весь район... А вои на бур-

ре, видите, пшеница? Это памятник героическим артиллеристам, которые были у деревни Маслениково. Там артиллерийский дивизион выстоял против трехсот танков.

— Вы уже подписали Воззвание?

— Конечно, подписал. Второй раз разрушил Самоуровку не дадим...

В возрожденном из руин колхозе «Путь к социализму», где недавно построили электростанцию, оросительную систему и многое еще собираются строить, подписываю Воззвание, председатель артели Иван Николаевич Болотин сказал:

— А пора, товарищи, переименовать колхоз наш «Путь к социализму» в «Путь к коммунизму». Ведь вперед идем, верно? Почему же он затворил об этом, подписывая Воззвание? Потому что мир для наших людей — синоним труда, строительства, развития науки, искусства, улучшения жизни.

Мы присутствовали на собрании колхозников сельскохозяйственной артели «XIII лет РККА». Собрание проводил Артем Беляев, бывший старший лейтенант, герой войны, кавалер многих орденов,

освободитель Белоруссии, Литвы, освободитель Кореи. Он собрал колхозников прямо на сенюшке на поле, где еще не сгладилась окопная курьость битвы. Колхозник Павел Волотов, сын погибшего фронтовика, подписывая Воззвание, говорил:

— Мы за мир кровью платили, а они — свиной тушпошкой. Исно, кому мир дороже!

Нам пришлось видеть многих рабочих и колхозников, подписывавших Воззвание на историческом плацдарме Курской дуги. Нельзя всех назвать, но общее для всех это то, что подписав под Воззванием ставится твердой рукой, сильной рукой труженика и победителя, который все прошел, выстрадал, видел смерть, кровь, муки Родины, но защитил ее. Это подписали люди, которые любят труд, сами хотят мирно строить и жить, чтобы мирно строили и жили во всем мире. И готовы за эту мирную жизнь бороться до конца.

В. РУДНЫЙ,
Н. НИКИТУШКИН,
специальные корреспонденты
«Литературной газеты»
ПОНЬРИ, 4 июля

В Корсунь-Шевченковском

Прошло шесть лет с тех пор, как, выполняя сталинский приказ, герой великих побед разгромил гитлеровско-фашистский захватчиков в знаменитом Корсунь-Шевченковском побое. Только шесть лет... Залечив раны, нанесенные варварской оккупацией, колхозники восстановили свое социалистическое хозяйство.

Трудно теперь участнику славного побоя воскрешать в памяти те страшные бои. Перед глазами широкая украинская колхозная степь. Волнуясь, пробегает ветер по колосьям моря колосов, как будто расставаясь с ним до следующего лета. Корсунь-Шевченковские и городищенские радости встречают ажурные копыта тяжелых танков, тучо связанных снопов ужатая, поставленные правильными рядами. Здесь на тысячах гектаров поля, где в 1944 году гремели пушки, сейчас десятки тысяч тружеников живут творческой жизнью свободного труда.

И вот в эту народную массу, как пестра, залетает весть о постановлении Верховного Совета, единогласно одобряющего Стокгольмскую Хартию мира. Почти одновременно всюду проходят стихийные митинги — на полях колхозов имени Хрущева, имени Шевченко, «XII партсъезда», «Второй пятилетки» и многих других, на сахарных заводах, железнодорожных станциях Корсунь-Шевченковского и Городищенского районов.

Нет никакой возможности побывать на всех митингах, и нам удается присутствовать только на некоторых из них.

И хорошо помню знаменитый рейд на-

ших славных кавалеристов, блестяще разгадавших маневр гитлеровцев и перехвативших их путь к отступлению из корсунь-шевченковских стальных клещей Красной Армии. Помню и казака — рубака Семена Бондаренко. Получив тяжкие ранения, кавалерист не ушел из боя.

— А может, я своим уходом нарушу систему помощи, какую сам Сталин запланировал, — сказал нам тогда в бою Семен Бондаренко.

В то время не думалось, где и когда, на каком участке животворной советской деятельности встретиться снова с бойцом.

И вот среди джакающего благополучием поля, между свежими, скрипящими от тугих перевесов снопами — Семен Бондаренко. Он, как и положено герою корсунь-шевченковских боев, первым берет слово на массовом митинге колхозников артели имени Хрущева. Не только как заветующий скотоводческой фермой он выступает, а и как кавалерист дивизии Масленников.

— Я защищал мир под Сталинградом. Боролся за мир под Корсунем, освобождал район, Украину, Советский Союз от гитлеровской наводки. Я участвовал в освобождении тружеников всей Европы и не могу молчать сейчас, когда американские империалисты, забывающие уроки Гитлера, как школьные свинки, пролезли в чужой огород — корейского народа. Американские империалисты, мабуть, забудут наш сталинградский погром. Этим погромом мы подписываемся сейчас под

Стокгольмским Воззванием всесвітних сторонников мира. Этим погромом мы голосуем за мир во всем мире. А печатно на нашей подписи будет наша активная жатва урожая. Предлагаю в честь этого обязать закончить уборку озимых за 5 дней.

В колхозе имени Шевченко, Городищенского района, на таком же митинге мы застаем на трибунах — сповозваляе — Героя Советского Союза, теперь колхозного заводу Данилу Погребного.

— Я не взял слова, на поле, Золотую Звезду. Но князюся пятикопечной звездой наших побед, что активная борьба за сталинский мир во всем мире является моей жизненной задачей. И ее до смерти буду выполнять, как приказывает партия. Наши подписи под Стокгольмским Воззванием — это только культурное напоминание уолл-стритовским бандам, что народ не дремлет...

За два дня возникли сотни митингов в этих районах. Десятки тысяч советских патриотов, подписывая Стокгольмское Воззвание, голосовали за устойчивый мир во всем мире. По ни на одном митинге, ни одним выступавшим не было забыт героичный, славный бой на Корсунь-Шевченковском плацдарме в 1944 году. Эти бои они вспоминали, как символ силы народа, объединенного ленинско-сталинской партией.

Иван ЛЕ,
специальный корреспондент
«Литературной газеты»
КОРСУНЬ-ГОРОДИЩЕ, 4 июля

Под Витебском, Бобруйском, Могилевом...

Воззвание мира адресовано людям доброй воли. В стране социализма иных нет. Я вижу, как свою многомилионную подпись ставят под этим Воззванием весь мой родной белорусский народ — рабочие, чей самоотверженный труд возродил из руин наши фабрики и заводы, колхозники, вновь собирающие обильный урожай на нивах, еще недавно выжженных войной, рыбаки, вернувшиеся на берега Могилевенских озер. Они говорят свое решительное — и е! — войне.

Белорусы помнят, как горели гигантские пирамиды из убитых и полуживых в лагерах смерти Озаричи и Троицкнен. На обгоревших солдатских котелках он читал написанные в предсмертный час имена погибших — на русском, украинском, белорусском, польском, чешском, словацком языках. Белорусы помнят, что враги разрушили все его города, разграбили все его колхозы и совхозы, заводы и фабрики. Целые районы были выжжены дотла.

Что знают о войне американцы? Где были они, когда в колхозах богатах устанавливали партизаны, когда у стен Сталинграда решались судьбы всех народов мира?

Говорят, янки плохо знают историю. Говорят, американские авантюристы охотно забывают прошлое. Белорусы мог бы помочь их «устойкой памяти».

Еще и сегодня на наших полях ржавеет лом вражеской техники, являются пробытые каски фашистских претендентов на

мировой господства. Сотни тысяч партизан — невиданная армия — днем и ночью громили врага. Мы вспоминаем об этом, когда ставим свою подпись под Воззванием мира. Мы говорим и о пятом сталинском ударе, нанесенном оккупантам на нашей белорусской земле в июне — июле 1944 года.

«...Красная Армия наголову разбила немецкие войска под Витебском, Бобруйском, Могилевом», — говорил наш великий вождь, — и завершила свой удар оружием 30 немецких дивизий под Минском. В результате этого удара наши войска: а) полностью освободили Белорусскую советскую республику; б) вышли на Вислу и освободили значительную часть союзной нам Польши; в) вышли на Неман и освободили большую часть Литовской советской республики; г) форсировали Неман и подошли к границам Германии».

За мир голосуют победители.

Под Витебском, Бобруйском, Могилевом, в Минске — там, где в гигантских котлах были перемолоты вражеские дивизии, в цехах заводов, на сельских площадях, на строительных площадках новых зданий собираются люди вокруг столов с текстом Воззвания. Я видел, как подходили к этим столам рабочие, хлеборобы, трактористы — вчерашние партизаны, пехотинцы, артиллеристы, летчики, танкисты; как ставили свою подпись женщины — матери воинов и юноши — затренированные солдаты. У них были натруженные руки создателей, у

них были мужественные лица бойцов, призывных победителей.

Пусть помнят об этом все те, кто сейчас на глазах у всего человечества танет свои окровавленные руки убитой в парадной Коре! Не будет по-ихнему, не выйдет!

Мир победит войну, ибо нет силы больше, чем сила народа. И нет такого народа на земле, который желал бы войны. Люди доброй воли не допустят, чтобы чистое небо застало черным дымом пожаров, чтобы хлебные зерна, брошенные в землю, были выжжены танками, чтобы мирные сыны детей снова нарушил злобный вой вражеских стреляющих.

Мир победит войну, ибо фронт мира возглавляет великий Советский Союз и на знаменах всех народов, которые борются за мир, написано великое и родное имя — Сталин.

Мы приветствуем мирное солнце воскол. Пусть же знают противники мира, что им не загнать наше солнце туманом своим. Тот, кто к дружбе стремится, — нашу дружбу найдет, Тот, кто к правде стремится, — нашу правду найдет, Тот, кто к песне стремится, — нашу песню найдет, Но посевавший ветер — бурю поженет!

Максим ТАНК,
специальный корреспондент
«Литературной газеты»
МИНСК, 4 июля

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 54 (2645)

Среда, 5 июля 1950 г.

Цена 40 коп.

КОРЕЯ В ЭТИ ДНИ

Н. ВОВК, В. КОРНИЛОВ

На рассвете 25 июня в районе 38-й параллели раздалась орудийная залпа. Севернее города Хяню, а также в направлении уездных центров Кычюн, Черон и Янча части марionеточных лисмановских войск, предательски нарушив границу, вторглись на территорию Северной Кореи вглубь на один-два километра. Правительство Корейской народно-демократической республики поручило охранным войскам отбить наглое нападение. Вместе с тем правительство поручило министерству внутренних дел вызвать лисмановскому правительству, что если оно не прекратит своей провокационной политики, то на него ляжет вся ответственность за последствия.

Этому бандитскому нападению преществовали систематические провокации. Только с января по сентябрь 1949 года лисмановские убийцы совершили 43 нападения на суше и 92 нападения на море, не считая нарушений линии 38-й параллели авиацией. В результате систематических нарушений и провокаций пострадало 136 сел. Более 500 семей потеряли за это время кров. 200 мирных жителей Северной Кореи убиты, 2.500 насильственно уведены на юг. В последнее время нападения на границу стали почти ежедневными. Намный главарь кланов убийц Ли Сын Ман заявил в так называемом «Национальном собрании» 28 февраля (в который раз?): «Корея должна пойти на Северную Корею».

В то время как Ли Сын Ман угрожал и брал оружием, общественные организации и партии севера и юга страны делали все для того, чтобы добиться мирного объединения, избежать кровопролития. Напомним, что в прошлом году на съезде единого демократического народного фронта (ЕДНОФ) Кореи, в который входят 71 партия и общественная организация, в том числе 52 партии и общественные организации юга, были разработаны конкретные предложения по мирному объединению родины. В декларации, обращенной ко всему народу страны, предлагалось в сентябре 1949 года провести одновременно на севере и юге выборы в единый верховный законодательный орган страны, который принял бы конституцию и на ее основе организовал единое правительство. Однако лисмановское «правительство» не только не приняло это предложение о мирном объединении Кореи, но даже не сошло нужным ответить на него.

В июне этого года ЦК ЕДНОФ снова выступил с предложением о мирном объединении родины. Он разработал соответствующий план и направил на юг свою делегацию для передачи текста со своими предложениями. Но, вопреки всем международным обещаниям, делегаты сразу же арестовали и подвергли жестоким пыткам. Несмотря на это, ЦК ЕДНОФ, выражая волю корейского народа, обратился к президенту Верховного народного собрания Кореи с предложением об ускорении мирного объединения. Президиум Народного собрания принял постановление, в котором предлагалось слить существующие законодательные органы севера и юга, принять новую конституцию республики, на основании которой провести в начале августа всеобщие выборы. Но ответом американских марionеточных юга на это мирное предложение явилась новая подлая провокация утром 25 июня.

Солнечный шумный Пхеньян неожиданно возмущался, стал строго. Тяжелые шеры из ризовой соломы повисли на окнах домов, на тротуарах появились бочки, наполненные желтым песком с берегов Тедонгана. Вечером погулявшие во мрак затененные улицы, и автомобили замаскировались свои фары. Мирный оживленный город за какие-нибудь часы, как и другие города севера, облачился в военные одежды. Весь народ Северной Кореи поднялся, как один человек, чтобы дать ответ предательской клике Ли Сын Ман.

Простые и мужественные слова произнес в эти дни, обращаясь к народу, премьер Ким Ир Сен.

«25 июня армия марionеточного правительства предателя Ли Сын Ман начала наступление на территорию севернее 38-й параллели. Мужественно сражающиеся охранные отряды приняли на себя удар, в упорных боях приостановили наступление войск марionеточной армии Ли Сын Ман. Правительство Корейской народно-демократической республики, обусловив создавшееся положение, отдало приказ нашей Народной армии перейти в решительное контрнаступление и разгромить вооруженные силы врага».

Сейчас у радиоприемников, которые каждые два часа передают сводки с фронтов боевых действий освободительной войны, собираются пхеньянцы. Светеют их лица при новых радостных известиях. Спрогнозированный лисмановской реакцией война против Корейской народно-демократической республики превратилась в освободительную, справедливую войну корейского народа.

Весь народ Северной Кореи горячо поддерживает свою армию. Рабочие встают на трудовые вахты, чтобы отдать все силы для победы. Крестьяне обещают вырастить рекордные урожаи. Митинги и собрания волна за волной прокатываются по стране. Слыше пхеньяне рабочих пхеньянского завода искусственного волокна собрались на зеленую спортивную площадку в обведенный перерыв. Бригадир Нам Зен Пен сказал:

— Вот уже третий день, как мы выполняем план на 150 процентов. Мы обещали нашим дорогим воинам добиться еще лучших показателей.

Рабочий Чо Сун Хен горячо и эмоционально сообщил:

— Мой брат ушел на освободительную войну. Я буду работать за него и за себя, выполняю по две нормы.

Строители Пхеньяна, прокладывающие новую транспортную магистраль, обещали выполнить все работы на 20 дней раньше срока. Крестьяне Кым Чан Су из деревни Соу Сен Ри, расположенной под самым Пхеньяном, заявили на митинге:

— Пусть не беспокоятся наши воины. Мы, крестьяне Северной Кореи, дадим продовольствие столько, сколько потребуется армии.

А старая Кым Чан Ок добавила:

— Мой сын, отбывая бандитское нападение врагов, перешел ненавистную 38-ю параллель, чтобы помочь своим братьям на юге. Сегодня все слышали, как от ваших славных воинов бежал из Сеула трусливый «правительство» предателя Ли Сын Ман.

Сейчас в Пхеньяне, как всегда, спокойно. Попрережимо дышат трубы фабрик и заводов, шумят переполненные трамваи, издают группы студентов, слышат последние экзамены. Ли Сын Ман, не раз хваставшийся, что он в один миг покинет в Народной армии севера, струсил при первом мощном ударе севера и бежал со своей кликой.

На юг, в только что освобожденные города и села, где тут же начинают возникать народные комитеты и крестьянские союзы, из Пхеньяна едут сотни переводчиков, рабочих и крестьян, чтобы рассказать своим братьям правду о свободной жизни, так долго скрывавшейся от них продажным «правительством», чтобы помочь им строить новую счастливую жизнь. Среди них — рабочие переводов в Пхеньяне Кокааского завода, дедушки с шелькопрядильной фабрики, студенты университета имени Ким Ир Сена...

Вечером Пхеньян продолжает жить обычной размерной жизнью. В государственном художественном театре идет премьера «Белетный концерт» в постановке молодой талантливой народной балерны балетмейстера Ли Со Кэ. Переодевшие театры и клубы. А утром у радиоприемников снова собираются люди, чтобы прослушать новые сводки с фронтов.

«Уолл-стритовские звери исходят злобой. Они трусливо нападают с воздуха на мирные города Северной Кореи.

Трудовой день Пхеньяна подходит к концу. По улицам шли трамваи, переполненные рабочими первой смены; шли матери, ведя за руку или несая в сливной своих малышей, взятых из яслей. И друг над мирным городом зазвучала тревожная сирена. Люди останавливались, взгляды сырели в безоблачное небо. Казалось невероятным, чтобы откуда, с голубой вышины, на мирный город обрушилась смерть.

Но на горизонте появились злобные очертания бомбардировщиков: одна девятка, вторая, третья. Они опускаются все ниже и ниже, и на дома жителей Пхеньяна обрушиваются десятки и сотни бомб.

На машинах, несущих смерть и опустошение, — американские опознавательные знаки. Горят дома; кареты скорой помощи везут в больницы раненых женщин, стариков, детей. Люди оплакивают своих близких, погибших в этот ясный июньский вечер.

Всё — пожары, разрушенные дома и кровль на улицах Пхеньяна — это приказ оберприказчика Уолл-стрита Трумана в действии».

Население, пренебрежающее ненависти к закокшаным бандам, дружно, без паники, тушит пожары, роет траншеи у своих домов.

Сотни бомб были сброшены 29 июня на мирное население Пхеньяна.

Одно кровавое преступление зарвавшихся бандитов следует за другим. 3 июля — новый налет американских воздушных птератов.

На окровавленной мостовой — два трупа: молодая женщина и привязанный за ее спиной по корейскому обычаю широким, ярким одеялом девятилетняя девочка с раздробленным левым плечом. А чуть поодаль горят легкие дома, стекутся клубы черного дыма. Вот картина, которую мы видели третьего июля на мирной улице Сонгари в Пхеньяне, куда совсем недавно тысячи зрителей приходили полюбоваться чудесной выставкой, посвященной четырехлетию со дня освобождения Кореи.

Тихий город Пхеньян живет в бдительном напряжении. Утром, днем, вечером, почти через каждые два часа, раздаются звuky сирен. На рассвете третьего июля небо над городом наполнилось гудом американских самолетов. Бомбить мирных жителей прилетели самолеты, выпускающие реактивные снаряды, легкие штурмовики, вооруженные пушками, реактивные истребители, а потом и «летающие крепости» Б-29. Истребители пронеслись на бреющем полете над улицами, поливая огнем жилые кварталы, обстреливая трамваи, крестьян, едущих по дороге Напхо — Пхеньян, базар, разбоябили много рыночных палаток, торгованных первыми южными фруктами, свежей рыбой и рисом. Семьдесят самолетов США бесцельно вали в этот день над городом.

Такое звериный облик империализма! Несмотря на бомбежки, люди Пхеньяна беззаветно трудятся. Они упорно продолжа-

ют поднимать нормы выработки, повышать производительность труда. Об этом просто и ярко говорили ораторы на 40-тысячном митинге в Пхеньяне. В своей революционной борьбе с глубоким возмущением пхеньяне обидились действиям американских империалистов и клялись отдать все силы делу защиты отечества.

Петиции протеста против зверских действий империалистов посланы из Кореи Постоянному Комитету Всемирного конгресса сторонников мира, Исполкому Всемирной федерации профсоюзов, Международной демократической федерации женщин, Всемирной федерации демократической молодежи. Эти петиции подписали от имени миллионов своих членов руководители и актив общественных организаций Кореи.

Корейский народ сплотился в единую боевую семью. Он уверен в широкой поддержке его правого дела всеми честными людьми мира. Он борется за свою свободу, независимость и демократию. Непреклонна его вера в победу правого дела.

Вечером 27 июня радио донесло до Пхеньяна радостную весть: части Народной армии окружили Сеул.

В 11 часов 30 минут следующего дня Народная армия вступила в эту старинную столицу страны. Отважные войска — посланцы народа — заняли роскошную резиденцию, где воевала в течение пяти лет марionеточный президент, взял в свои руки почту, телеграф, банк, центральную прокуратуру, вываивая в всех этих пунктах перевернутых лисмановских солдат. Перед политическими узниками широко распахнулись ворота старинной тюрьмы Сотеум, страшного места, где, по слухам, перед кровавыми палками, славные патриоты отчаянно смело бросали в лицо палачам: правда победит!

Офицеры и солдаты Народной армии вошли в здание сеулской радиостанции. Они весело смеялись, когда в опустевшей студии, из которой стремглаз бежали лисмановские пропагандисты, обнаружили подготовленный к передаче текст очередного «Воззвания», начинавшегося истерическим возгласом: «Мы никогда не отдадим Сеул. Северная не войт в него».

Надо было начинать новую передачу, но у солдат и офицеров Народной армии не было заготовлено никакой речи.

— Скажем о том, что чувствует в эту минуту каждый из нас, — сказал кто-то из офицеров.

И впервые за пять лет сеулское радио начало вещать простые, душевные от самого сердца слова. Они притягивали жителей Сеула к площадям, улицам, переулкам, и слушатели рукоплескали словам своих братьев, принесших свободу столице Кореи.

А ровно в 8 часов 15 минут сеулская радиостанция транслировала первую передачу из Пхеньяна: говорил Ким Ир Сен. И люди во всех уголках Кореи, затаив дыхание, слушали его слова. Он поздравил жителей Сеула с освобождением, призывал их к восстановлению порядка и спокойствия в городе, обратился к партизанам с наказом расширять фронт действий, тесно увязывая их с наступлением Народной армии.

И слушая эти спокойные, уверенные слова своего национального героя, жители юга невольно вспоминали жалкий полет Ли Сын Ман, который только вчера выступал с невнятной путаной речью, в которой клялся одержать победу над народными войсками, хвастался огромными запасами американского вооружения.

На всем боевом пути повсюду Народной армии выходят льющиеся жители Южной Кореи. Крестьяне выносят доблестным освободителям все самое лучшее, что есть в доме: сунутого рыбу, первые фрукты, помидоры, чаплик с дымчатым рисом.

А в городах и селах, оставленных за собой Народной армией, люди, страхнув себя пути насилия и провозла, уверенно берут власть в свои руки. В Уччине, Кесене, Чандане уже созданы народные комитеты, в которые выбраны патриоты, беззаветно борющиеся против лисмановской клики.

На митинге в Уччине пришли все жители города, чтобы выразить свои чувства горящей любви и благодарности Народной армии. На митинге в провинции Южная Ёмбек крестьянин Ли Сун Вон из деревни Кутун эмоционально сказал:

— Сегодня мы дождались счастья. Все мы, жители окрестных сел, до сих пор ждали только потому, что нам помогали братья с севера. Волохотынящие Бегун, опроношнее 13 тысяч гектаров полей почти сорока деревень юга, находится к северу от пограничной параллели. Севернаян самим нужна вода, ведь они на своей свободной земле собирают огромные урожаи. Но по нашей просьбе они давали все эти годы воду и для нас. Однако кронопилы-помешки в Южной Кореи заставляли нас платить за воду, которую дарил нам наши братья, а потом отбирали почти весь выращенный нами урожай. У меня осталось пять мешков риса из двадцати, собранных в прошлом году, остальные забрали помещик. Сейчас я буду спокойно трудиться на своей освобожденной земле.

Вести, которые идут с юга, говорят о том, что армия народа, громя войска поработителей Кореи, движется вперед, неся освобождение всему корейскому народу.

ПХЕНЬЯН, 4 июля. (По телеграфу)

К некоторым вопросам языкознания.

Ответ товарищу Е. Крашенинниковой

Тов. Крашенинников!

Ответа на Ваши вопросы.

1. Вопрос. В Вашей статье убедительно показано, что язык не есть ни базис, ни надстройка. Правильно ли было бы считать, что язык есть явление, свойственное ни базису и надстройке, или же правильное было бы считать язык явлением промежуточным?

Ответ. Конечно, язык, как общественному явлению, свойственно то общее, что присуще всем общественным явлениям, в том числе базису и надстройке, а именно: он обслуживает общество так же, как обслуживают его все другие общественные явления, в том числе базис и надстройка. Но этим собственно и исчерпывается то общее, что присуще всем общественным явлениям. Дальше начинаются серьезные различия между общественными явлениями.

Дело в том, что у общественных явлений, кроме этого общего, имеются свои специфические особенности, которые отличают их друг от друга и которые более всего важны для науки. Специфические особенности языка состоят в том, что он обслуживает общество экономически. Специфические особенности надстройки состоят в том, что она обслуживает общество политически, юридически, эстетически и другими целями и создает для общества соответствующие политические, юридические и другие учреждения. В чем же состоит специфическая особенность языка, отличающая его от других общественных явлений? Она состоит в том, что язык обслуживает общество, как средство общения людей, как средство обмена мыслями в обществе, как средство, дающее людям возможность понять друг друга и наладить совместную работу во всех сферах человеческой деятельности, как в области производства, так и в области экономических отношений, как в области политики, так и в области культуры, как в общественной жизни, так и в быту. Эти особенности свойственны только языку, язык является объектом изучения самостоятельной науки — языкознания. Без этих особенностей языка языкознание потеряло бы право на самостоятельное существование.

Короче: язык нельзя причислить ни к разряду базисов, ни к разряду надстроек.

Его нельзя также причислить к разряду «промежуточных» явлений между базисом и надстройкой, так как такие «промежуточные» явления не существуют. Но может быть язык можно было бы причислить к разряду производственных сил общества, к разряду, скажем, орудий производства? Действительно, между языком и орудиями производства существует некоторая аналогия: орудия производства, так же как и язык, проявляют своего рода безразличие к классам и могут одинаково обслуживать различные классы общества, как старые, так и новые. Дает ли это обстоятельство основание для того, чтобы причислить язык к разряду орудий производства? Нет, не дает.

Одно время И. Я. Марр, видя, что его формула — язык есть надстройка над базисом — встречает возражения, решил «перестроиться» и объявил, что язык есть орудие производства. Был ли прав И. Я. Марр, причислив язык к разряду орудий производства? Нет, он был безусловно не прав.

Дело в том, что сходство между языком и орудиями производства исчерпывается той аналогией, о которой я говорил только что. Но зато между языком и орудиями производства существует коренная разница. Разница эта состоит в том, что орудия производства производят материальные блага, а язык ничего не производит или «производит» всего лишь слова. Точнее говоря, люди, имеющие орудия производства, могут производить материальные блага, но те же люди, имея язык, но не имея орудий производства, не могут производить материальных благ. Но трудно понять, что если бы язык мог производить материальные блага, ботуны были бы самыми богатыми людьми в мире.

2. Вопрос. Маркс и Энгельс определяют

язык как «непосредственную действительность мысли», как «практическое... действительное сознание». «Идеи», — говорит Маркс, — не существуют оторванно от языка. В какой мере, по Вашему мнению, языкознание должно заниматься смысловой стороной языка, семантикой и исторической семасиологией и стилистикой, или предметом языкознания должна быть только форма?

Ответ. Семантика (семасиология) является одной из важных частей языкознания. Смысловая сторона слов и выражений имеет серьезное значение в делании языка. Поэтому семантике (семасиологии) должно быть обеспечено в языкознании надлежащее ей место. Однако, разрабатывая вопросы семантики и используя ее данные, никак образом нельзя переносить ее значение, и тем более — нельзя злоупотреблять ею. И имею в виду некоторые языковеды, которые, чрезмерно увлекаясь семантикой, пренебрегают языком, как «непосредственной действительностью мысли», неразрывно связанной с мышлением, отрываю мышление от языка и утверждают, что язык отживает свой век, что можно обойтись и без языка.

Обратите внимание на следующие слова И. Я. Марра:

«Язык существует, лишь поскольку он выявляется в звуках; действие мышления происходит и без выявления. Язык (звук) стал ныне уже сдавать свои функции новейшим изобретениям, побеждающим безоговорочно пространство, а мышление идет в гору от неиспользуемых его накопленных в прошлом и новых стяжаний и имеет сместить и заменить полностью язык. Будущий язык — мышление, растущее в свободной от природной материи технике. Перед ним не устоят никакому языку, даже звуковому, все так связанное с нормами природы» (См. «Избранные работы» И. Я. Марра).

Если эту «травмагическую» тарбарацию перевести на простую человеческую речь, то можно прийти к выводу, что:

а) И. Я. Марр отрывает мышление от языка;

б) И. Я. Марр считает, что общение людей можно осуществить и без языка, при помощи самого мышления, свободного от «природной материи» языка, свободно от «норм природы»;

в) отрыва мышление от языка и «освобождение» его от языковой «природной материи». И. Я. Марр попадает в болото идеализма.

Говорит, что мысли возникают в голове человека до того, как они будут высказаны в речи, возникают без языкового материала, без языковой оболочки, так сказать, в оголенном виде. Но это совершенно неверно. Какие бы мысли ни возникли в голове человека, они могут возникнуть и существовать лишь на базе языкового материала, на базе языковых терминов и фраз. Оголенных мыслей, свободных от языкового материала, свободных от языковой «природной материи» — не существует. «Язык есть непосредственная действительность мысли» (Маркс). Реальность мысли проявляется в языке. Только идеалисты могут говорить о мышлении, не связанном с «природной материей» языка, о мышлении без языка.

Короче: переоценка семантики и злоупотребление последней привели И. Я. Марра к идеализму.

Следовательно, если уберечь семантику (семасиологию) от преувеличений и злоупотреблений, вроде тех, которые допускают И. Я. Марр и некоторые его «ученики», то она может принести языкознанию большую пользу.

3. Вопрос. Вы совершенно справедливо говорите о том, что идеи, представления, нравы и нравственные принципы у буржуа и у пролетариев прямо противоположны. Классовый характер этих явлений безусловно отразился на семантической стороне языка (а иногда и на его форме — на словарном составе, — как правильно указывается в Вашей статье). Можно ли, анализируя конкретный языковой материал и, в первую очередь, смысловую сторону языка, говорить о классовой сущности выраженных им понятий, особенно в

тех случаях, когда речь идет о языковом выражении не только мысли человека, но и его отношения к действительности, где особенно ярко проявляется его классовая принадлежность?

Ответ. Конечно, Вы хотите знать, — влияют ли классы на язык, вносят ли они в язык свои специфические слова и выражения, бывают ли случаи, чтобы люди придавали одним и тем же словам и выражениям различное смысловое значение в зависимости от классовой принадлежности? Да, классы влияют на язык, вносят в язык свои специфические слова и выражения и иногда по-разному понимают одни и те же слова и выражения. Это не подлежит сомнению.

Из этого однако не следует, что специфические слова и выражения, равно как различие в семантике, могут иметь серьезное значение для развития единого общенародного языка, что они способны ослабить его значение или изменить его характер.

Во-первых, таких специфических слов и выражений, как и случаев различия в семантике, до того мало в языке, что они едва ли составляют один процент всего языкового материала. Следовательно, вся остальная подавляющая масса слов и выражений, как и их семантика, являются общими для всех классов общества.

Во-вторых, специфические слова и выражения, имеющие классовый оттенок, используются в речи не по правилам какой-либо «классовой» грамматики, которой не существует в природе, а по правилам грамматики существующего общенародного языка.

Стало бы, наличие специфических слов и выражений и факты различия в семантике языка не опровергают, а, наоборот, подтверждают наличие и необходимость единого общенародного языка.

4. Вопрос. В своей статье Вы совершенно правильно оцениваете Марра, как вулгаризатора марксизма. Значит ли это, что лингвисты, в том числе и мы, молодежь, должны отбросить все лингвистическое наследие Марра, у которого все же имеется ряд ценных языковых исследований (о них писали в дискуссии т. т. Чиковава, Салгирев и другие)? Можем ли мы, подходы к Марру критически, все же брать у него полезное и ценное?

Ответ. Конечно, произведения И. Я. Марра состоят не только из ошибок. И. Я. Марр допускал грубейшие ошибки, когда он вносил в языкознание элементы марксизма в искаженном виде, когда он пытался создать самостоятельную теорию языка. Но у И. Я. Марра есть отдельные, хорошие, талантливые написанные произведения, где он, забыв о своих теоретических претензиях, добросовестно и, можно сказать, умело исследует отдельные языки. В таких произведениях можно найти не мало ценного и полезного. Понятно, что это ценное и полезное должно быть взято у И. Я. Марра и использовано.

5. Вопрос. Одной из основных причин застоя в советском языкознании многие лингвисты считают формулу И. Я. Марра. Очень хотелось бы знать Ваше мнение о том, в чем заключается формализм в языкознании и как его преодолеть?

Ответ. И. Я. Марр и его «ученики» обвиняют в «формализме» всех языковедов, не разделяющих «новое учение» И. Я. Марра, это, конечно, несерьезно и неумно.

И. Я. Марр считал грамматику пустой «формальностью», а людей, считающих грамматику стержнем основной науки — формалистами. Это и вовсе глупо.

И думаю, что «формализм» выдуман авторами «нового учения» для облегчения борьбы со своими противниками в языкознании.

Причиной застоя в советском языкознании является не «формализм», изобретенный И. Я. Марром и его «учениками», а архаический режим и теоретические перемены в языкознании. Архаический режим создали «ученики» И. Я. Марра. Теоретические перемены внесли в языкознание И. Я. Марр и его ближайшие соратники. Чтобы не было застоя, надо ликвидировать и то и другое. Ликвидация этих язв оздоровит советское языкознание, выведет его на широкую дорогу и даст возможность советскому языкознанию занять первое место в мировом языкознании.

И. СТАЛИН

29 июня 1950 г.

СИЛА НАША НЕОДОЛИМА

Вчера в Москве, в Большом Кремлевском дворце, открылась сессия Верховного Совета РСФСР.

Спокойно, с обычной уверенностью избранный народом обсуждают и решают вопросы, касающиеся дальнейшего роста и процветания своей необъятной страны. Депутаты народа выражают свою любовь к гениальному вождю Советского государства товарищу Сталину. В мире не было такой любви и такой веры, какими советский народ окружил своего вождя. В мире не было и такой сплоченности и дружбы народов, как в нашей стране. В мире не было и такого бесстрашия, такой твердой уверенности в своих силах, какие присущи нам, советским людям.

Участвуя в заседаниях Верховного Совета РСФСР, депутат, — будь он колхозник, рабочий или писатель, рабочий искусства или инженер, — чувствует себя творцом новой, лучшей жизни, видит перед собой новые перспективы, думает о будущем страны.

Депутат на сессии чувствует себя праздником в солнечном, древнем и вместе с тем юном Кремле. Его радуют итоги коллективного труда советского народа; его радуют и планы на будущее, его радует крепкая, несокрушимая московская земля, славная в веках своей неприступностью для врагов!

Именно таково настроение моих товарищей-депутатов Верховного Совета РСФСР. В одной группе депутатов разговоры идут о выходе на урожай, в другой — о научных дискуссиях, а там — горячая беседа по поводу укрупнения колхозов. И там и тут, конечно, не обходится без горячего обсуждения политиче-

ских событий за рубежом. Все едино в своем возмущении по поводу бесчинств американцев в Корее.

И обожу беседуя в Кремлевском дворце избранных народа, прислушиваясь к их разговорам...

...И был совсем еще юным, когда разразилась англо-бурская война. С тех пор прошло уже пятьдесят лет. Но я помню, что все честное население земного шара горело возмущением против разбойничьей войны англичан, напавших на мирную хлебопашную республику Трансвааль.

Повторяю, это было и в те времена, что тому назад. Мы, советские люди, а также все честные люди, стоящие за мир во всем мире, видим и знаем — капитализм Америки, империализм всего мира не только не стали гуманнее и человечнее за этот полувековой срок, но пали еще ниже, еще сильнее, стали еще более бесчеловечнее. Еще тогда же прогрессивное человечество возмущалось тем, что империализм применял в захватнической войне разрывные пули «дум-дум»... Ныне они размахивают над головой человечества атомной бомбой!

В то время, когда все более и более парнивели сердце заокеанских и проамериканских капиталистов, когда англо-американские захватчики терзали образ человеческий, в это время с трибуны советского парламента раздался мощный, грозный призыв об установлении вечного мира на земле, о братском единении всех мировых народов.

Русский народ, возглавляющий семью народов СССР, никогда не сгибал своей головы ни перед какими насилиями,

ни перед какими Змеями-Горынычами. Так было в древние времена, так было и в совсем близкие для нас годы, когда под водительством великого Сталина народы Советского Союза разбили разведчики нечестные силы гитлеризма.

И если теперь так единодушно все наши народы подхватили призыв о мире во всем мире, призыв о запрещении атомного оружия, то это вовсе не оттого, что мы испугались этой проклятой бомбы, а оттого, что нам глубоко противно бесчеловечество войны. Мы хотим строить, пахать, возводить сады и читать хорошие книги. Мы, русские, хотим мира!

Каждый полден, к какой бы клке он ни принадлежал, отлично знает, как деловито и уверенно русский народ и братские ему народы умеют наказывать непрошенных гостей. Стоит ли по этому поводу распространяться! Страх и сожаление чужды советским людям. Бранением оружия нас не запугать.

Советская земля богата природными ресурсами, научной мыслью, творческой энергией своих сынов и дочерей! Перед нами открываются новые необъятные широты достижений, новые влеты животворящей силы, взращенной в народах СССР великой сталинской эпохой.

Депутаты Верховного Совета Российской Федерации, истинные патриоты своей Родины, присутствуя в работе на сессии с чувством глубокой любви и сердечной благодарности к своему великому вождю товарищу Сталину, вдохновителю всех наших побед.

В. КОСТЫЛЕВ,
депутат Верховного Совета РСФСР

На павловской сессии

Дух павловской самокритичности чувствовался на всех заседаниях только что закончившейся сессии сессии двух академик. Призыв академика С. И. Вавилова развернуть свободную критику, «назирать на авторитеты и традиции», незыривая на лица», нашел широкий отклик среди участников сессии.

Действительно, может быть, впервые со времени смерти И. П. Павлова мы отбросили принятую на подобных совещаниях гнилую традицию замалчивать серьезные научные ошибки своих коллег-учеников. Наряду с сообщениями об успехах дальнейшего развития павловской физиологии с трибуны сессии звучали тревожные слова о том, что гордость русской науки — павловское учение о высшей нервной деятельности разрабатывается советскими физиологами еще далеко не достаточно. Вина за это, в первую очередь, ложится на руководителей крупнейших физиологических институтов страны — акад. Л. А. Орбели, проф. П. К. Анохина, акад. А. Д. Сперанского и других.

Характерно, что критика позиций этих ученых исходила прежде всего от сотрудников их лабораторий. Так, выступления Г. В. Гершуня, А. А. Волохова, А. Т. Художорова — сотрудников академика Орбели вскрыли серьезные недостатки в работе Физиологического института им. И. П. Павлова и Института эволюционной физиологии и патологии высшей нервной деятельности им. И. П. Павлова.

С чувством тревоги говорили докладчик — акад. Б. М. Быков и проф. А. Г. Иванов-Смоленский о том, что академики Орбели, а вслед за ним и все руководимые им лаборатории, увлеклись исследованием второстепенных и третьестепенных проблем физиологии, отшли в сторону от разработки того, что является наиболее драгоценным в сокровищнице павловского учения, — деятельности больших полушарий головного мозга.

Наши взгляды, отход акад. Орбели от стовоборной дороги развития идей Павлова, в особенности от разработки проблем физиологии высшей нервной деятельности, объясняется прежде всего недопонимкой им огромного значения этой проблемы для всей нашей физиологии и медицины и переоценкой значения проблем и связанных с его личными научными интересами: изучению павловского «высшего отдела» — влияния больших полушарий на все явления, происходящие в теле, — он противопоставляет изучение в качестве ведущих регуляторов симпатической нервной системы и мозжечка. Между тем, как психология, философия, педагогика, так же как и все разделы практической медицины, включая терапию, невропатологию, педиатрию, курортологию и педиатрию, настоятельно требуют от физиологов продолжать развитие учения о высшей нервной деятельности.

Другая серьезная причина, мешавшая многим ученым подготовиться к занятиям наукой, заключается в их чрезмерной загруженности многочисленными обязанностями, подчас не имеющими отношения к их творческой деятельности. И вспоминаю, как Павлов, целиком поглощенный интересами науки и посвящая ей основную долю своего времени и жизни, возмущался, когда ради почетного председательства в какой-нибудь комиссии или по какому-либо другому малозначительному поводу его пытались оторвать от научной работы. Теперь будет положен конец экономному расходованию дорогого времени исследователя.

Серьезной критике на сессии подверглись работы проф. И. К. Анохина, пытавшегося ревизовать идейные основы учения И. П. Павлова с физиологических идеалистических позиций физиологов США.

Заслуженно резкую оценку получила антипавловское направление работ школы акад. И. С. Беритова. В выступлениях делегатов много раз упоминался его архидеалистическая брошюра «Об основных формах нервной и психо-нервной деятельности», изданная в 1947 году. Книга эта, несомненно, отбрасывает нашу физиологическую науку, по крайней мере, на сто лет назад. Беритов договоривается в ней до того, что фактически отрицает роль условий жизни и жизненного опыта в формировании высшей нервной деятельности и заявляет о существовании каких-то первичных врожденных «представлений», якобы лежащих в основе этой деятельности.

Неблагоприятную роль взял на себя проф. И. П. Давидович, пытавшийся игнорировать все критические замечания в адрес акад. Беритова, выдать его за создателя «нового, оригинального учения в физиологии». Попытка эта, вполне понятно, не имела успеха.

Чрезвычайно большое значение я придаю выступлению ученых смежных областей науки, особенно клиницистов. Как

стывает изучение в качестве ведущих регуляторов симпатической нервной системы и мозжечка. Между тем, как психология, философия, педагогика, так же как и все разделы практической медицины, включая терапию, невропатологию, педиатрию, курортологию и педиатрию, настоятельно требуют от физиологов продолжать развитие учения о высшей нервной деятельности.

Другая серьезная причина, мешавшая многим ученым подготовиться к занятиям наукой, заключается в их чрезмерной загруженности многочисленными обязанностями, подчас не имеющими отношения к их творческой деятельности. И вспоминаю, как Павлов, целиком поглощенный интересами науки и посвящая ей основную долю своего времени и жизни, возмущался, когда ради почетного председательства в какой-нибудь комиссии или по какому-либо другому малозначительному поводу его пытались оторвать от научной работы. Теперь будет положен конец экономному расходованию дорогого времени исследователя.

Серьезной критике на сессии подверглись работы проф. И. К. Анохина, пытавшегося ревизовать идейные основы учения И. П. Павлова с физиологических идеалистических позиций физиологов США.

Заслуженно резкую оценку получила антипавловское направление работ школы акад. И. С. Беритова. В выступлениях делегатов много раз упоминался его архидеалистическая брошюра «Об основных формах нервной и психо-нервной деятельности», изданная в 1947 году. Книга эта, несомненно, отбрасывает нашу физиологическую науку, по крайней мере, на сто лет назад. Беритов договоривается в ней до того, что фактически отрицает роль условий жизни и жизненного опыта в формировании высшей нервной деятельности и заявляет о существовании каких-то первичных врожденных «представлений», якобы лежащих в основе этой деятельности.

Неблагоприятную роль взял на себя проф. И. П. Давидович, пытавшийся игнорировать все критические замечания в адрес акад. Беритова, выдать его за создателя «нового, оригинального учения в физиологии». Попытка эта, вполне понятно, не имела успеха.

Чрезвычайно большое значение я придаю выступлению ученых смежных областей науки, особенно клиницистов. Как

известно, Павлов затратил немало труда для того, чтобы достижения физиологии стали достоянием практической медицины. Он был твердо убежден, что развитие медицины — науки о лечении организма — невозможно без успехов физиологии — науки об отправлениях этого организма. «Только пройдя через огонь эксперимента, — писал Павлов, — вся медицина станет тем, чем быть должна, т. е. социальной, а следовательно, всегда и вполне целесообразно действующей».

Отрадно было услышать в выступлениях академика И. П. Краснотурского, хирурга А. А. Вишняковского, терапевта А. Л. Мясникова, что идеи Павлова становятся серьезной опорой лечащего врача. Врачом в полном смысле этого слова можно считать лишь вооружившихся основами павловской физиологии. По этому поводу мне хочется напомнить высказывание самого Павлова: «...механик кончает свое изучение той или другой машины тем, что подменяет ее заменой, состоящей в сборе разобранной и сбитой машины. То же должно быть и с физиологом. Только так может сказать, что он изучил жизнь, что сумеет вернуть нарушенный ход ее к норме».

Неглубокое, формальное знание сущности учения И. П. Павлова проявляло на сессии подчас и сами физиологи и ученые, работающие в смежных областях науки. Простая сессия должна затронуть своих участников, представляющих, кстати, почти все центры физиологической науки в нашей стране, на более углубленное изучение работ Павлова, — это будет одним из важнейших ее результатов.

Науку в нашей стране, по словам И. П. Павлова, «щедро вводят в жизнь». До последней степени щедро. Вопросы прогресса науки занимают почетное место среди государственных интересов партии и правительства. Об этом свидетельствует таковой огромный значении факт, как опубликование статьи товарища Сталина «Отношение марксизма к языкознанию», статьи, ярко осветившей путь огромной работы академика Павлова. Слова корифея науки Сталина о том, что «...никакая наука не может развиваться и преуспевать без борьбы мнений, без свободы критики», послужили путеводной звездой и для нас.

Нет сомнений, что развитие научного наследия Павлова резко двинется вперед. Э. АСРАТЯН,
член-корреспондент Академии наук СССР

В Брянских лесах

1.

Недавно мне вновь довелось побывать в Брянских лесах, точнее, — в северных районах Брянщины: Клетнянском, Жуковском, Ровенском и Дубровском.

Зеленые места широко известны в нашем народе под именем «Партизанского края». Когда вписанное название докладчика сюда, брянцы стали партизанами.

Обязательная деревня. Замерла жизнь в них. Только осенний ветер гонялся в брошенных избы. Брянские колхозники не только не покинули оккупантам, — они не захотели даже жить рядом с ними, дышать одним воздухом...

Началась народная война.

Есть в Жуковском районе колхоз «Муравей». До войны это был большой и богатый колхоз, добрая слава о нем гуляла по обоим берегам Десны, доходила и до соседней Смоленщины. Это было, действительно, веселый и трудолюбивый колхозный муравейчик.

Окупанты разорили его. По и этого им было мало. Ожидая похоти они вписано нагннули на село и обложив его, как загонышки, вольчей обладой, — жгити так и не успели уйти в спасительный лес.

К утру от богатого некогда села остались одни голышки.

И был в зеленых местах вскоре же после войны. И еще застал «зону пустыни». Головаши, голышки, голышки... Следы пожара и знаки разорения.

На колхозные земли яростно наступал лес, пахотные поляны покрывались дружной и напористой молодью: цепкие заросли подступали уже вплотную к разо-

решным селам. Казалось, лес хочет поглотить все окрест, все накрыть своей могучей зеленой шапкой.

Невиданная засуха 1946 года еще ниже пригнула колхозников к земле. Люди жили в землянках. В землянках были и школы, и сельсоветы, и правления колхозов. И глядел на все это разорение и невольно думал: сколько же сил, средств, энергии и, главное, — времени, времени! — надобно, чтоб восстановилась здесь жизнь?

2.

Знаменательно, что, вернувшись на родное пеналешье после изгнания оккупантов, люди сразу же, — и не дожидаясь ни указаний сверху, ни зова организаторов, — сами стали собираться в колхоз. Никому ни дряхлым старикам, ни старухам, ни многодетным женщинам (а они теперь были единственной силой на селе, мужики-партизаны ушли на запад — добывать врага), — никому даже в голову не пришло устраивать свою жизнь теперь вне колхоза, в особину, одинолично, на свой страх и риск, в стороне от соседей. Напротив, именно в колхозе видели люди свое единственное спасение. Они свято верили в колхозную силу. Они уже зп а н се.

— Ах, как жили! Вот как жили! Кабы снова так жить!..

И не вылакавшись как следует на развалинах собственного очага, люди сразу же потянулись к тому, что некогда было колхозной усадьбой. Сюда стали стягивать кто успевавший борону, кто плуг, кто мотыжок земли. Тут вокруг стариков-мужиков, как третпные молодые погели полде старого дуба, сгрудились женщины и подростки...

В колхозе «Муравей» тагими стариками оказался Симкин Филипп Андреевич и

Рекунов Григорий Иванович, «главный партизанский курьер», дел престарелый и разговорчивый, но еще могучий и работящий, к тому же хороший плотник. На первых порах они, как умели, при дружной помощи женщин, стали строить заново колхоз... А тут по ранению вернулся из армии старик толстый Василий Григорьевич Игнатиков, прежний председатель колхоза. Руководство сразу же перешло в его многочисленные руки.

Развороченный муравейчик ожил. Весной уже дружно сеяли.

...И вот я снова в Брянских лесах, в «зоне пустыни». Какие чудесные перемены!

Тогда — несколько лет назад — в глаза прежде всего бросались руины да развалины, сейчас — раньше всего замечается свежесрубленные, пахучие, нарядные и вселикие избы. Тогда — горькая тишина кладбища встречала вас у покосытия и пла радост в вами по всему селу, теперь — все окрест звенит молодыми голосами...

И люди повеселели. Собравшись в новой, просторной, богатой избе «партизанского деда» Рекунова — и до войны у старика не было такой хоромы! — она уже теперь толкует о том, что пора уже приниматься за осуществление тех колхозных планов, что были прерваны войной: пора электрифицировать колхоз, доставить мельницу, лифтовую...

И кричатывают: а не объединиться ли с соседями в один большой колхоз да зажить лучше доносному?

То же, что в «Муравье», видел я и в Косиловке, и в Тюшине, и в Рекувичах, и в Осуфьеве.

Уже все колхозы восстановлены, и в колхозах — все фермы. Поднялись из непра и районные центры. В Жуковке, например, уже сейчас и домов, и людей больше, чем было до войны.

Жизнь везе и вседу, — жизнь, которую невозможно истребить! Вчерашняя «зона пустыни» стала зоной полной жизни, счастливых надежд и радостных свершений.

4. ГЕРМАНИЯ

Нетрудно понять волнение, с которым сталинградцы встретили на сцене своего театра постановку новой пьесы драматурга Юрия Чепурина «Близкое». Герои первых драматических произведений Ю. Чепурина «Сталинградцы» и «Последние рубежи» — советские воины, прошедшие славный путь от стен Сталинграда к берегам Эльбы. — надо же запомнить сталинградскому зрителю. И вот он снова увидел их, но только в другой, мирной обстановке, увидел рядом с собой — сегодня, в пеклах Сталинградского тракторного...

Спектакль «Близкое» «Сталинградская правда» посвятила статье А. Филиппова, где обстоятельно рассказала о пьесе Ю. Чепурина, требовательно отнеслась к работе театра.

Раскрывая идейный замысел драматурга — коммунистическое отношение советских людей к труду, — критик стремится проследить, насколько совершенна форма произведения, каковы его художественные особенности.

Достоинства пьесы «Близкое» не помещали А. Филиппову увидеть недостатки и серьезно разобрать в них. Бритические замечания автора рецензии в адрес спектакля — дельные, точные; советы, которые он дает театру, действительно могут помочь исправить недостатки спектакля. Статья справедливо требует от творческого коллектива достичь спектакль «до такого уровня, чтобы о нем можно было говорить, как о крупном событии в творческом развитии театра».

Примеры внимательного, критического анализа спектаклей можно найти и в других газетах. В рецензии на постановку «Два лагеря» А. Яковсона (газета «Советская Сибирь») Н. Ларионов рассматривает пьесу в связи со всем творческим путем писателя, подробно характеризует основных героев спектакля. Л. Петровская в «Красной Татарии» справедливо критикует инсценировку романа В. Шинкова «Угрюм-река» в постановке Казанского драматического театра за ее бесстрастный объективизм. Содержательная статья доктора Львовского университета М. Пархоменко о спектакле «Календарный Гай» А. Корнейчука («Львовская правда»), в которой автор не только говорит о достоинствах пьесы и актерских удачах, но указывает на элементы ненужной «театральности» в постановке, на стремление к внешней «красивости» в оформлении спектакля.

Однако такие хорошие рецензии, с сожалением, не часто появляются в областных газетах. Сплошь да рядом под рубрикой «Театр» печатаются поверхностные, трафаретные, удивительно похожие друг на друга статьи.

В марте этого года русский драматический театр города Дзавужина поставил пьесу «Тайная война» В. Михайлова и Л. Самойлова. 5 апреля газета «Социалистическая Осетия» напечатала о спектакле статью А. Топрова. Эта рецензия вряд ли привлекла внимание зрителей и коллектива театра, хотя в ней и отмечалось, что театр «успешно справился со своей задачей». Сколько бы ни пытались читать на основании статьи составить представление о пьесе, установить, как играет тот или иной актер, — все их попытки были бы тщетны. Если наиболее странная характеристика игры артиста Ренного ограничивается указанием, что он «поработал глубоко и вдумчиво», «хорошо и правильно ведет свою роль с начала до конца», то остальные исполнители лишены и подобных аттестаций; фамилии их просто заключены в скобки вслед за именами соответствующих героев. В статье нет ни тени критики, ни одного замечания в адрес драматургов и театра.

Рецензия А. Топрова — это рецензия-отписка. Она не заинтересовывает чита-

О театральном рецензиях в областных газетах

теля, не способствует развитию его художественного вкуса, не приносит реальной пользы театру.

Многие газеты, оценивая театральные постановки, «угушают» читателей прехвально рецензиями штамповыми. Разве можно, скажем, дочитать до конца статью в молотовской «Звезде» о спектакле «Чудесный клад» П. Малярского, где буквально подряд идут следующие определения: «степло и ярко рисуется», «она нашла яркие краски и с искляющей теплотой... создала образ», «сочными красками...», «создали... яркий спектакль» и т. д. и т. п.

В спектакле «Тайная война» в Тамбове, Калуге и Ульяновске роль Световой играли разные артистки, и, конечно же, по-разному. Однако в трех рецензиях даны лишь варианты одной и той же «характеристики». В Тамбове Светова («в образе артистки Василисы Световой, согрета душевной теплотой и искренностью», ульяновская исполнительница этой роли «с сердечной теплотой... рисует образ», артистка Калужского театра «искренне и тепло передает большое внутреннее содержание простой русской женщины».

Очень трудно в таких театральном рецензиях обнаружить попытку критика остановиться на художественной стороне произведения, поговорить о композиции и языке. В большинстве случаев разговор сводится к сухому пересказу содержания с кратким резюме о «важности и значительности» поставленной драматургом темы. Прочитав такой «пересказ», и даже хорошая пьеса покажется неинтересной.

Иногда «пересказ» по сути дела и составляет всю «рецензию». На мало-мальский подробный анализ работы театрального коллектива у автора просто не остается места, и он ограничивается изложением программы спектакля, скороговоркой перечисляя состав действующих лиц и исполнителей. Так, в статье о постановке «Эти звезды наши» («Комсомолец Удмуртии») рецензент умудрился 104 строки из ста пятидесяти отвести пересказу содержания пьесы и лишь 36 адресовать театру. Несколько щедрее — на 16 строк! — оказался автор рецензии в «Бугской заре» об «Собяние в переулке».

Но дело, конечно, не только в том количестве строк, которое отводится разбору спектакля. Важно качество самого разбора, его беспристрастность. Своей статьей о том или ином спектакле рецензент призывает театр критически пойти к итогам своей работы, закрепить уже достигнутые успехи и устранить недостатки. Однако очень часто критик забывает, что он пишет и для зрителя и для театра.

Что могут дать артистке Семеновой рассуждения Б. Страхова в пензенской газете «Сталинское знамя» о том, что в роли Ляны «актриса нашла себя», а в «Степане Украиня» «не нашла себя». Рецензент «Красной Мордовии», очевидно, только удивил артиста С. Аркашкина, промолгав об этом, что «его Валтер Кидд озабавил». А тот же Б. Страхов в своих похвалах постановщику спектакля «Собака на сене» А. Вишнему договорился до того, что приписал молодому режиссеру все заслуги Лопе де Вега: «В его трагикомедии... насыщена острой драматургическими приемами, комедийными ситуациями».

Большинство театральном рецензий — лишь отклик на тот или иной спектакль. Газеты, как правило, не рассматривают новую постановку в связи с работой театра в целом, с его репертуарной политикой,

не следят за творческим ростом актеров и режиссеров. Между тем гораздо большую пользу театру принесет статья, которая будет говорить о его творческих тенденциях, об определенной линии развития его искусства.

Неимение газеты к своему театру привычки печатать однообразные рецензии приводит порой к тому, что газета не отражает действительности жизни, не замечает серьезных недостатков в его работе, не подает первой сигналов тревоги.

Не так давно Комитет по делам искусства издал приказ, где орудил поручную практику режиссеров Крымского областного драматического театра им. Горького — М. Рахманова и Л. Язвестон, которые при постановке советских пьес вычеркивали важные и наиболее яркие политические высказывания действующих лиц, обедняя и искажая тем самым идейный смысл произведений. Так было, например, со спектаклями «На той стороне» и «Заговор обреченных». Заметила ли это газета «Красный Крым» и выступила ли своевременно по этому поводу? Нет. Наоборот, в статье о постановке «На той стороне» под названием «Яркий спектакль» говорилось, что театр создал «интересный и запоминающийся спектакль», а в рецензии на «Заговор обреченных» критик, хотя и заметил, походя, что «соедиза из-за текстовых сокращений» образ Косты Варра «упрощен», но никак не оценил этого возмутительно вольного обращения с текстом пьесы.

Подбирать в качестве авторов театральном рецензий людей, любящих театр, знающих его специфику, воспитывать таких людей — прямая обязанность редакций. Между тем и поныне еще рецензирование спектаклей подчас поручается не только равнодушным и неумелым «критикам», но иногда и просто болтунам. Вот, к примеру, вышедшая из-под пера И. Темногородова «рецензия» на постановку «Под звездой любви» в Пензе. Что тут только нет! «За окнами холод, ненастье, осень», — увлеченно рассказывает И. Темногородов, — на этом фоне (?) особенно хороша была артистка Новикова... Артистка Ангарская «не была на эффект», артист Селов «хорошо передавал страх за свою нетрудовую копейку...»

Статьи штампованные, отписочные — свидетельство формального, равнодушного отношения газет к работе своих театров. Публика подобные рецензии, работнички редакции, очевидно, не думают о тех высоких и ответственных задачах, которые стоят перед театральном критиком. Они забывают, что статья, напечатанная в областной газете, — это о б щ е с т в е н н а я оценка работы творческого коллектива, и в ней не должно быть места поверхностным и произвольным суждениям. Автор статьи о театральном постановке обязан правильно ее оценить, вскрыть ее идейную сущность, дать компетентный и интересный разбор спектакля.

О произведении искусства нужно писать увлекательно, живым, образным языком. Ведь читатель никогда не выслушает казенное сообщение, что театр «справился со своей трудной и благородной задачей», а каждый из исполнителей «создал запоминающийся образ». Он хочет узнать из статьи не только, что играли актеры, но и как они играли. Он ждет, чтобы вместо стандартных слов: «скупными средствами артист рисует», автор статьи сумел бы выразительно и точно определить, что же это за средства и как при их помощи актер достигает удачи в творческом процессе.

Писать театральном рецензии — дело трудное, ответственное, относиться к нему надо выскательски. Хотелось бы, чтобы редакции областных газет уделяли такое серьезное внимание статьям, которые призваны оказывать театрам действительную помощь.

Берлин. Вы знаете, что осталось от этого города, и все же вас потрясает нагромождение развалин. Привыкнув несколько к развалинам, вы замечаете, что кварталы расщипаны, сползают камни; то и дело вы видите леса: строят. По мостовой идут девушки в синих блузах: это свободная молодежь Германии. На только что выстроенном доме большой портрет Тельмана. Каменные скелеты расщепленных зданий прикрыты яркими флагами. Завод, еще завод, снова завод. Здесь не только развалины, здесь идет работа. Магазины, в них скромные товары. Нет рекламы. Театр, премьеры: пьеса поэта Брехта. Другой театр: трагедия Шиллера. Кино: новый немецкий фильм «Совет богов». Книжный магазин, много новинок. Объявление: «Долой и диспут на тему — нужно ли нам искусство?» Много диспутов, докладов, заседаний. Молодые слушают, спорят, записывают. Много молодых, они знают, что должны учиться, работать, отстроить город, отстроить страну.

Вы переходите Потсдамштрассе. Вы задумались, идете дальше, не обращая внимания ни на полицейских, ни на вывески, ни на прохожих. Те же развалины, только никто их не разбирает, не видно лесов — здесь не строят. Вдруг вы спрашиваете себя: куда делась девушка в синих блузах? Почему вместо них солдаты в касках, бронежилет? Вы оглядываетесь — здесь все другое. Много маленьких магазинов, обособившихся в нижних этажах разрушенных и неустоявшихся домов. Витрина — флажок парижских духов, модное платье, дюжина пестрых платочков. Книжные лавки нет, зато имеется галстук с изображением Гете. В kiosках яркие обложки журналов: голливудские красавицы на пляже. Вокруг развалин Гедехнискirche шумное собрание: здесь меняют «восточные» марки на «западные» и «западные» на «восточные». Много спекулянтов. На углах тусклые горемыки громким шепотом говорят «ами, ами, ами» — продают из-под полы американские сигареты. На разрушенном Курфюрстендаме рестораны, кафе; на террасах оставшие гитлеровские саночки, мародеры, дамочки с таксами. Один спекулянт говорит другому: «Два бейтисдольдара, беру груз-дололар». Пригладившись, вы замечаете, что сверхмодные туалеты не вполне выдержаны: на одной дамочке манто довоенного покроя, у ответственной сановника стоптанные ботинки. Лакеи, однако, величественны, и глумливый дамочкам кажется, что это — Гансикейтц.

Объявление: «Дансинг. Все танцуют самбу». Ничего не подозревая, «бутг-вугги» устает, теперь танцуют «самбу» — яростно топчутся на месте, и кавалер трясет дам, как будто дама — Европа, а он — то Юпитер, но те шериф из штата Колорадо. Вы поворачиваете назад и доходите до «грауенштрассе». Везде указательная доска стоит отставные гитлеровские сановники, они смотрят на другую сторону улицы: там девушки в синих блузах; и хотя эти девушки весело смеются, отставным сановникам не по себе.

В дни лета молодежи западные кварталы Берлина приняла временный облик: две французские выставили напояка все свое имущество. Американцы два месяца подряд кричали, что они «отрабатывают напояние», хотя никто на них нападать не собирался. Газеты Западного Берлина назвали жителей «красной троицей». Некоторые чересчур нервные дамы с таксами или без таксы гуляли на запад Германии. Обитатели Западного Берлина смеялись над этой панмикой; рассказывали, как г-жа Мюллер умоляет своего поклонника Шмидта: «У вас воспитательное бомбоубежище. Если вы меня пригласите на трюну, я приду»; но г. Шмидт неумолим: «Вы опоздали, юные напояние: уже тридцать дам...»

Гойя пережил страшные наполеоновские войны, он знал, что такое разорение, нищета, смерть. Он многое видел и много предвидел — у него была богатая фантазия. Однако современного Берлина не мог предвидеть даже он. Пожалуй, это самая фантастическая картина из всех, которые я наблюдал. Никого не удивит, что в Брюсселе на каждом шагу банк и табачная с бижутерными курами, а в Праге на каждом шагу книжная лавка. Никого не удивит, что московские газеты заняты вопросами языкознания, а чикагские газеты заняты проблемами гангстеров. Мы знаем, что существуют различные социальные системы, различные пласты истории, различные государства, а между ними границы, таможенники, часовые. Но трудно понять, как два не только различных, но противоположных мира могут помещаться по обе стороны одной улицы, к тому же разрушенной. Ведь если дома выдают характер, вкусы, социальное положение их обитателей, то все развалины похожи одна на другую. Здесь особенно ясно видны безумие американцев, которые раскопали не только Германию, но и Берлин, превратив несколько кварталов разрушенной столицы в плацдарм для изобретенной ими «холодной войны», в выставку народного капитализма.

В обыкновенном капиталистическом обществе есть трутны и пчелы. В западных кварталах Берлина пчел нет — все жители превращены в трутней, только богатые трутны живут припеваючи, а бедные прозябают. Работы нет, и люди, которые ищут заработка, неминуемо направляются в восточный сектор. Зарплата они получают, разумеется, в марках республики. Они приносят полку домой, в западный сектор, и там им меняют деньги: за семь «восточных» марок дают одну «западную». Это подается, как финансовая операция, на самом деле это — тривальное воровство.

Свыше трехсот тысяч безработных западного Берлина получают пособие — сто марок в месяц. Эти деньги они меняют на «восточные», и у них оказываются семейный марок. Их можно встретить в магазинах и на базарах демократического сектора. Постричься стоит одну марку на всех пиротх и долготх Берлина. Немед, проживающий в западном квартале, когда ему нужно постричься, направляется в один из восточных кварталов, независимо от того, какие политические убеждения скрываются под его нестриженными волосами. Он платит марку и возвращается домой удовлетворенный: он постригся и заработал шесть марок... Все это улажено: в западных кварталах имеются «меньяльные конторы», и газеты там щедро сообщают о «курсе восточной марке».

Товары, которые можно увидеть в магазинах западного Берлина, поступаю из Западной Германии; по вени, изготовленные в Аугсбурге, в Дюссельдорфе или в

Штутгарте, выгоднее купить в Берлине: пены в западных кварталах Берлина на двадцать-двадцать пять процентов ниже, чем в Западной Германии. Такова политика американцев: западный Берлин для них не город, а выставка.

Жизнь Западного Берлина пазлозорна и похожа на дурной сон. Никто ничего не строит. Люди не хотят думать о том, что будет завтра. Их тешат воспоминания. Они радуются, что маленькие магазинчики среди развалин своими вывесками напоминают о прошлом: «Ситари Беннике», «Ресторан Кемингского», «Малпе». Вот заведение «Ашингера», в нем люди едят сосиски и пьют пиво. Сосиски не те, и пиво не то, но люди в унионии повторяют: «Я у «Ашингера». Ведь все оказалось «тленным», уцелела только вывеска пишущих. «Ашингер» был при кайзере, он пережил веймарскую республику и Гитлера; и, глядя сосиски, бюрер мечтает: может быть, время повернет назад, может быть, снова настанут дни благоденствия?..

Как известно, на трюну в республиканский Берлин съехались юноши и девушки из всей Германии. Презд из Западной Германии был затруднен — американцы и англичане закрыли «границу». Молодежь пробиралась тайком, переходила границу ночью, разбившись на мелкие группы. Все же в Берлин из Западной Германии прибыло много молодежи, студенты, школьники. Приехали также иностранные гости, здесь были и наши комсомольцы, и рабочие студенты, и польские дети, и болгарские крестьяне, и герои Народного Китая, и представители французской молодежи, и писатели, и ученые, люди разных стран, разных профессий, беззаветно отдающие свои силы защите мира. В одной из газет Западного сектора я прочитал следующее: «Первые почетные гости уже пожаловали на трюну к нам. Среди них отметились Падилю, крупного коммерсанта из Мехико-сити, мистера Эльстрема из Нью-Йорка, доктора Пергена, представителя консорциума «Вольф» в Дюссельдорфе, мистера Ренота, представителя «Джечерал мотор», мистера Шумана из Нью-Йорка, представителя экспортной фирмы «Пин», мистера Робертсона из Нью-Йорка, сенатора Майн-Эригата, журналиста из Мадрида». По гостям можно судить о хозяевах. К парадным хозяевам народного Курфюрстендама пожаловали несколько американских врачей и корреспондент французской газеты, который, наверно, в свое время описывал похождения «голубой дивлинии».

Мне удалось познакомиться с людьми из Западной Германии — один приехал на слет молодежи, другие приехали в Берлин по своим делам. Они мне многое рассказали, и как бы переискот вотивны различные оккупантов, которых бюнкские шутники пытаются выдать за самостоятельное государство. Что больше всего поражает в жизни Западной Германии? Духовный паралич, прострация, отсутствие планов, надежд, жизни, из которой изъято понятие будущего. Люди держат всем, что им напоминает прошлое. Но если можно есть сосиски «Ашингера», то трудно им вдохновиться на труд, на борьбу, на подвиг.

Есть, конечно, в Западной Германии и другие люди; есть рабочие, которые в неслыханно трудных условиях пытаются отстаивать свое право на жизнь; есть коммунисты, которые не сдавались в годы гитлеровских побед, которые сидели по тюрьмам и концлагерям, узнали горечь изгнания; есть молодые, вшедшие в жизнь уже после войны и увидавшие, что в жизни для них нет места, не отступившие и не отчаившиеся, готовые к тяжелой борьбе. Этих людей как бы олицетворяет Макс Рейман, человек с аскетическим лицом и вдохновенными глазами. И видел, какой любовью он окружен. Когда мимо него проходили демонстранты, будь то юноши республики или другие, приехавшие из Гамбурга, из Любека, из Франкфурта, они останавливались и в восторге повторяли: «Рей-ман! Рей-ман!»

Имеется в Западной Германии и фантазия прошлого: нацисты, генералы, кадровые офицеры. Они стали куда покладистей. Генерал Мантсфельд согласен невесть под американским командованием, лишь бы воевать против Советского Союза. Общества взаимоотношений офицеров рейхсвера — это политические организации, подготовляющие новую войну. Вчерашние нацисты рассуждают так: «Конечно, американцы плохие солдаты, но у них хорошая техника. Соединив наш военный гений и технику Америки, можно добиться победы». Некоторые про себя добавляет: «Сначала победим русских, потом американцев...»

В британской зоне существует нацистская партия Реймера; в американской зоне несколько фашистских партий. Депутат Гедлер публично заявил, что Гитлер поступил вполне правильно, уничтожил евреев; призывая ради его предели суду и, разумеется, оправдать. Видные нацисты занимают видные места. Журнал «Рундшан», издающийся по Франкфурте-на-Майне, отмечает, что все лица, участвовавшие после капитуляции Германии в судебных процессах против нацистов, теперь смещены со своих постов. Противники гитлеровского режима удалены из многих министерств и частных предприятий. В Гессене среди мелких чиновников 32% бывших нацистов, среди замышляющих средние посты 34%, среди крупных сановников — 51%.

В Западной Германии около двух миллионов безработных; это позволяет предпринимателям удерживать на низком уровне заработную плату. Различные страны Европы, Америки, Африки наводнены теперь дешевыми товарами, изготовленными в Западной Германии. Предприниматели не могут пожаловаться: их прибыль растут. Неклассифицированный рабочий получает в месяц полтора марок. Он мог бы пожаловаться, но некому...

В особенно тяжелом положении находятся немцы, приехавшие из Польши и Чехословакии, а также высланные. Они хотели устроиться, начать жизнь на новом месте. Но это было не наруку американкам. Судетских, слезлих, померанских жителей держат на бивуачном положении; у них нет ни дома, ни постоянной работы; им ежедневно говорят, что вие войны для них нет выхода: «Пужно взять реванш и отобрать потерянные территории». Американцы хотят сделать из переселенцев стойких солдат для будущей войны, но люди, потерявшие свой дом и не получившие по-

вого, замучены, деморализованы; они мечтают не о походе, а о крыше.

Оккупантов много, и устроенных тысяч немцев и десять тысяч американцев. Американцы заняты, главным образом, подготовкой к войне; причем, если они любезничают с нацистскими сановниками, то с обыкновенными немцами они не церемонятся. В Штутгарте сохранился городской театр; американцы взяли его себе и милостиво разрешили немцам давать представление днем. Во Франкфурте-на-Майне театр до сих пор не отстроен.

Студенчество живет печально: мало stipendий, мало перспектив — среди интеллигентских профессий спиршествует безработица. Юноши стараются не гадать о будущем и не задумываться над уроками прошлого. Профессор лейпцигского университета Ганс Майер до недавнего времени читал лекции в университете Франкфурта-на-Майне; он рассказал мне, что там нельзя говорить об ответственности Германии за нападение на Советский Союз. Стоит студенту высказаться симпатич к Демократической республике, как его записывают в «черный список»; если он и не будет исключен под каким-либо предлогом, то его все равно провалит на экзаменах.

В Западной Германии мало писателей с именем: Деблин, Кестлер, Юнгер (этот последний стал известным в фашистское время). Книжки не продаются; тарж романа, пользующегося успехом, — три-четыре тысячи; последняя книга Деблина разошлась в трехстах экземплярах.

В Демократической республике книга доступна всем; многие романы разошлись в сотках-пятистах тысяч экземпляров. Берлин, столица республики, — подлинный центр культурной жизни страны; здесь работают старые известные писатели — Келлерман, Арнольд Шнейг, Брехт, Зегерс. Здесь новые хорошие поэты — Херманн, Куба, Ученые, архитекторы, музыканты перебираются из Западной Германии в республику.

Почему это происходит? Ведь пять лет тому назад обитатели Германии находились в состоянии раннего духовного запустения, рожденного годами фашизма, и если в одиночку были свои отклики, то никто тогда не вздумал бы сказать, что области востока более сохранили культурные навыки, нежели запад. Теперь все переменяется. Обязатель Франкфурта-на-Майне резко расширяет книгу, он довольствуется пошлыми иллюстрированными журналами, анекдотами, слухами, слухами. Он поглощен короткими мыслями о коротком дне — зарплатком, барышнями, расхолами. А во Франкфурте-на-Одере люди читают Томаса Манна и Горького, Анну Зегерс и Пшодоха. Они думают о новом поколении, о будущем Германии. Американцы распылялись подкупить немцев долларами, консервами, спартакми. Подкупить можно сто человек, даже сто тысяч, но нельзя подкупить народ — кроме хлеба насущного, людям нужны идеалы, вера в будущее, которая одна позволяет терпеть лишения и преодолевать трудности. Разгадка притягательной силы республики в том, что она напоминает каждому немцу о его ответственности перед детьми и перед Германией.

Советский Союз много сделал для морального возрождения этой страны. Рука, протянутая во-время, помогла немцам преодолеть. Кто мог бы подумать в 1944 году, что шесть лет спустя немецкая молодежь прошеет по улицам Берлина портреты Ленина и Сталина, что там, где заведи сапоги русских завоевателей, зазвучит «Интернационал»?

Окруженные леской, осыпанные цветами, шаг по Унтер ден Липпен польские дети; десятки полотноц клеветно подтерждали необходимость границ, крепость дружбы. Если в Западной Германии воспитывают молодых немцев для войны, то республика внушает своим юношам идеи братства. Когда оркестр заиграл «Марсельезу», я увидел радостное волнение на лицах французев. «План Шумана» — это брак по расчету, вернее, по приказу опекуна, между двумя ненавидящими друг друга партиями; этот «план» создан для войны, и он несет в себе войну. «Марсельеза» на улицах Берлина — это залог дружбы двух народов, чья вражда непрестанно опустошала Европу.

Я знаю, что все это только начало; перерождение — медленный процесс; порой видны черты темного прошлого или чересчур легкое и чересчур поверхностное усвоение нового. Но каждый, кто был этой весной в Берлине, знает, что волаз Германия ридилась; она будет жить в рассти. В республике идет ожесточенная работа; строят ясли и школы, больницы и заводы; выпускают новую рабочую интеллигенцию; пишут книги, создают дисциплину, основанную на моральной ответственности человека; принощывают парод. В последний новеле прекрасной писательницы Анны Зегерс «Пятая лона» немец, возвращавшийся из пленом; это человек старой закаски, он не хочет «новшества», он едет туда, где все на месте. — генерал Мантсфельд, и закоуточные Ашингера, — на запад. Там он видит, что он ошибся; его детям ничего будет делать, незначим жить. Он возвращается в республику.

Будущее уплывает, кто сейчас еще молод, юноши и девушки в синих рубашках или блузах. Неудивительно, что первой заявкой нового рожденной Германии был слет о молодежи. Нельзя открыть новую историю съездом ветеранов... Бывает легкая молодость, когда дорога проложена предшественными поколениями, когда старшими построены дома и посажены сады. Молодежь теперешней Германии досталась в наследство развалины — городом, государством, морали. Пужно все начинать сынова, строить дома, составлять учебники, устанавливать нормы поведения. Это трудное, но благородное дело. Не случайно взоры всего мира этой весной были обращены к Берлину. Люди в разных странах внимательно следили за тем, что происходит в немецкой столице — не потому, что они поверили американским журналистам, которые уверяли, будто «красные» попытаются взять штурмом рестораны Курфюрстендама, а потому, что молодежь страны, еще недавно несшей Европу ужасные бедствия, отрекалась от недавнего прошлого, показала свою привязанность к миру и к жизни.

Письмо в редакцию

ЕЩЕ РАЗ О КОРОТКОЙ ПАМЯТИ КРИТИКА

В «Литературной газете» от 20 мая 1950 г. я прочел заметку Кл. Павлова «Когда у критика коротка память...» В ней говорилось об изъятиях в памяти критика Сергея Иванова, который в статье, опубликованной в журнале «Октябрь», осудил в романе В. Ильенкова «Большая дорога» те же самые страницы, которые он сам расхвалил в газете «Вечерняя Москва».

Мне же привелось убедиться в том, что с И. Иванова совсем не такая уж короткая память. Так, например, он не только слово в слово запомнил все то, что писали о романе П. А. Некрасова «Три страны света» в комментариях к полному собранию сочинений поэта (том VII, 1948, стр. 838—839), но и включил это почти без изменения в свою статью «Фанта-

стика и действительность» («Октябрь» № 1, 1950 г., стр. 157). Впрочем, память все-таки изменила критик: он забыл сообщить, что же написано им по поводу романа Некрасова (почти печатная страница!) принадлежит не ему, а авторам комментариев — В. Елтышеву-Максимову и А. Лурье.

Доцент А. ПУЛИНЕЦ

решия возродилась и в прежней красе, но и с прежними недостатками.

С этим сейчас уже нельзя было мириться. М. Д. Зернов с товарищами стали планировать новое село: красивые каменные здания, широкие прямые улицы, обсаженные ровными рядами лип, в центре села парк, возле него театр, здание правления колхоза, магазины, почта.

А овраги засадить плодовыми деревьями... Нет, это не бесподобная мечта! Все это будет под силу такому богатому колхозу, как «Парижская Коммуна».

Это уже оказалось под силу колхозу имени КИМ, Жуковского района, во главе которого стоит волевой организатор Кирилл Афанасьевич Малкин.

Когда Кирилл Малкин вместе с другими рабочими вернулся из леса, он долго ходил по пелешу. А потом собрал колхозников и с горечью сказал им:

— Да неужто опять будем строиться по старому? Ибо к избе сплону, словно посорвавшиеся соседи?

— А как же ты мыслишь, Кирилл Афанасьевич? — спросили товарищи.

— Надо по плану строить...

И он вскоре действительно привез из города архитектурные планы нового села.

Я был в этом прекрасном новом поселке, слава о котором уже гремит по всей Брянщине. Здесь не увидишь ни одной поспешной избы, ни одной крыши под соломой. На прямой зеленой улице один к одному стоят просторные, красивые дома.

4. Жить лучше, богаче, краше, чем жили до войны!

Уже не о восстановлении, а о расширении производства толкуют на Дубровской шпалотной фабрике. На Клетнянском заводе стандартного домостроения начинают делать и паркет. В Рогнедине хлопочут о новом льнозаводе. Строятся поселки, школы, мосты, клубы, колхозные чайные, дома для приезжих, плотины на реках...

Да, многое переключилось тут за эти годы! Иной стала жизнь, иные стали реки. И почта депутата стала иной. Иные жалобы, иные просьбы, иные наказания. Люди просят помочь им электрифицировать поселок, благоустроить районный центр, получить книги; требуют машины, киноаппаратуры... Жалуются на Сельэлектро, которое берет за проекты слишком дорого, а делает проекты слишком медленно...

Да, нужд еще много, но и они, так сказать, уже иные — иного качества, иного уровня. Это запросы и требования строителей. И им от всей души хочется помочь. Но, к стати, помогать, надо не так, как «помогло» Брянское областное управление сельского хозяйства колхозу «Маяк» Рогнединского района. Однажды, расщепившись, оно прислало колхозу... огромный инкубатор.

Колхозники немедленно прозвали его «железная вичурой». Этот инкубатор совсем «Маяку» не нужен, — всех колхозных кур хватало бы, чтобы обеспечить его яйцами. К тому же инкубатор оказался безнадежно неисправным. А облуправление требует от колхоза денег за свой «подарок», и не малых.

А в колхозах отчаянно научились считать не только руководители, а и рядовые колхозники.

И самая животрепещущая тема — укрупнение колхозов. Передовым колхозникам очевидны все выгоды слияния двух-трех мелких колхозов в один мощный, крепкий. Сама жизнь властно требует этого. Я видел это воочию. Вот два колхоза рядом: у одного земли вдоволь, да рабочих рук нехватка, а у другого рабочие руки найдутся, да земли мало. Ну, что же объединиться? Или вот два других соседа, раздесены они только мелкой рекушкой; у одного — хорошие дуга, да земли под присудебные участки нехватает, а у соседа за рекушкой присудебных земель избыток, да дугов нет, хоть плачь!.. Ну что ж, в самом-то деле, не объединиться?

Б колхозам, говорят и спорят о слиянии много, а делается пока все еще недостаточно. Что мешает? Да все та же инерция, привычка, а кое у кого и оглядка на то, как до войны жили. Многие районные партийные и советские организации еще не возглавили это жизненное движение.

Много разговоров было в эту весну о льне — самой выгодной по земным местам культуре. Лен тут свет очей, хоть и трудоемкая эта культура. Четыре района, входящие в Жуковский изобразительный округ, сеют уже сейчас больше трети всего брянского льна. Между тем, в округе нет ни одного льнозавода, нет даже хороших льномотальных пунктов.

Министерству легкой промышленности СССР необходимо в самое ближайшее время построить льнозавод в Рогнедине.

Избратели Жуковского района просит правительство Российской Федерации помочь им довести до конца электрификацию поселка. Электроэнергия здесь есть, ее в избытке даст завод. Нужны трансформатор, провода, средства.

Нужен Жуковке и хороший кинотеатр. Существующий уже мал для растущего поселка. А Дубровской шпалотной фабрике нужна стационарная киностанция, — рабочий клуб тут уже есть. Эти вопросы необходимо решить Министерству кинематографии СССР.

Молодежь Рогнедина и Жуковки справедливо жалуется на то, что в их поселках нет стадионов, физкультурная работа запущена. И они требуют, чтобы стадионы были построены! И чтобы в Дубровке была воздвигнута плотина и восстановлено озеро — отрада плывцов и рыболовов. А в Клетье надо построить зимний клуб, — летней площадкой уже не обойтись...

— Жить еще лучше, еще радостней, еще веселее! — вот о чем шумит сейчас Брянский лес.

Вот чем живут люди во вчерашней «зоне пустыни»...

Бор. ГОРБАТОВ,
депутат Верховного Совета РСФСР

